

Александр Дорофеев

Тнездо времени

КАРИБСКОЕ
МОРЕ

ОСТРОВ
КАЯКУН

Карибская повесть

НИЧУПТЕ

Александр Дорофеев

**Гнездо времени.
Карибская повесть**

«Издательские решения»

Дорофеев А.

Гнездо времени. Карибская повесть / А. Дорофеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838818-7

Кто знает, что это за штука — время? Откуда оно течет и куда
вливается? Время притягивает, и время отторгает — это точно!

ISBN 978-5-44-838818-7

© Дорофеев А.
© Издательские решения

Содержание

Фельдмаршалы и лейтенанты	6
Мексиканский для начинающих	9
Триптихизм	10
Месть Кукулькана	12
Коктейли Карибского моря	17
Патриотизм и крокодилы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гнездо времени Карибская повесть

Александр Дорофеев

Кто знает, что это за штука – время? Откуда оно течет и куда вливается? Время притягивает, и время отторгает – это точно!

Прожив сорок четыре года из отпущенного мне времени, я вдруг ощутил, что оно легонько покуда, но уже подталкивает меня к неизведанной бездне.

Хочется сбежать от угрожающего времени. Улететь, уехать, уплыть, ускользнуть... У-у-у-у!

Да черта с два!

Перемещаешься в пространстве, а время твое, твой срок – за твоей спиной, дышит в ухо, кладет лапу на плечо. Жутковато!

Гнездо времени – вот что нужно отыскать. Может, хоть в гнезде своем время не так сурово, не так беспощадно. Может, хоть там есть случай с ним сговориться...

© Александр Дорофеев, 2017

ISBN 978-5-4483-8818-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фельдмаршалы и лейтенанты

С Петей Фетюковым познакомился я на высоте десяти тысяч метров, в самолете, который дул прямым рейсом на побережье Карибского моря, в Канкун.

Петя был непоседлив – каждую минуту менял положение кресла, то и дело баловался с откидным столиком, залез пальцем в пепельницу, перенажимал все кнопки над головой и долго выкручивал суставчик вентилятора.

Я опасался, что он вот-вот катапультируется или каким-нибудь образом приоткроет иллюминатор.

Время от времени он, как утренний петух, всхлопывал согнутыми в локтях руками, будто помогал самолету набирать высоту.

В конце концов, Петя, зыркнув мне в глаза, спросил: «Ну, ты как?!»

Вопрос застал врасплох. Я вдруг задумался: как я, на самом-то деле?

– А я в порядке! – продолжил он без паузы для моего ответа. – Годом очень доволен. Теперь-то и погулять! На Карибах! – и опять всхлопнул своими крылышками, невысоко приподнявшись, как показалось, над креслом. – Эх, ма! Десять минут – полет нормальный!

Затем он стремительно ознакомился с правилами эвакуации, заглянул под сиденье, понюхал гигиенический пакет и – внезапно заснул, сидя по стойке «смирно». «Бастурма», – отчетливо выговаривал во сне.

Уже над Шенноном Петя весело проснулся.

Ах, каков зал ожидания в этом аэропорту! Особенно в предраассветный час. Или же глубокой ночью. Таким, в минуты оптимизма, я представляю чистилище – мягкий, неопределенный свет, тихие, неведь откуда доносящиеся голоса, едва заметное движение во «фри-шопах».

И вдруг натыкаешься на знакомые лица. Еще несколько часов назад, в Шереметьево, они были нервны, возбуждены. Сейчас на них – покой и умиротворенность свершенной судьбы. Значительность и мудрость всепонимания мерещатся в каждом шенонском лице.

Особенно хорош бармен! Он, как апостол Петр, движением руки приоткрывает дверь в заоблачные сферы.

В баре мы и столкнулись с Петей вновь – уже как давние приятели. Он успел обследовать все закоулки здешнего чистилища, и был сражен туалетом.

– Слушай, – хлопал меня по плечу. – Хоть мойся, хоть оправляйся! Так залюбовался, что позабыл, чего хотел! Теперь, видно, потерплю до самолёта.

Вот так невероятно быстро у нас с Петей и установились самые доверительные отношения. Чистилище сближает.

Сходя по трапу в аэропорту Канкуна, мы сговорились встретиться часа через три у его отеля.

Долго ли пришлось ожидать, не знаю – время уже свернулось в подобие шерстяного клубка, из которого нитку не вытянешь.

Если о Шенноне поминалось как о чистилище, то надо признать, что отель «Пятое солнце» – это рай в парайсо.

Параисо, что тоже, как известно, означает в переводе с испанского «рай», — было вокруг. Нежное Карибское море, белый песок, кокосовые пальмы, девушки, уста которых готовы молвить слово — «хай».

Отель был крепкой райской настойкой, валящей с ног. Описывать его подробно это все равно, что пытаться пересказать прозой «Демона». Или «Капитал» стихами. Все так величественно! Все так просто! «На воздушном океане, без руля и без ветрил!»

Тут были водопады и озера, джунгли и прерии, попугаи и ящеры, хижины и дворцы, дерево и мрамор, плотность и зыбкость.

И вот именно из этой зыбкости возник уплотнённый Петя Фетюков. Он заметно приосанился, лицо отяжелело, и глаза глядели, как у полководца, охватывая мир в целом, помимо мелочей, вроде меня.

— Задержался, — изрёк он. — Некоторые проблемы. Тут, куда ни плюнь, поголовные головоломки! Не ключ, а перфокарта! Щелочки, дырочки, кнопочки! Не знаешь, как в умывальнике воду пустить... — заключил сумрачно.

Впрочем, карибский бриз развеял Петину потрясённость. Сидя на пляже, он шнырял проказливыми глазками по сторонам, оглядывая северо-южно-центрально-американских, европейских и азиатских девушек. Видно, что совсем не прочь «попасти своих свиней», как говорил благословенной памяти Николай Лесков.

Можно было представить этих похрюкивающих, помахивающих скрюченными хвостиками свинок. Вот они рыщут по гигантскому подковообразному пляжу, тычась рылами именно туда, куда указывает горячее Петино воображение. Прямо на глазах из более или менее цивилизованных свиней превращаются в лесных кабанчиков, заросших серо-бурой щетиной. Один подбегает ко мне, толкает в бок и спрашивает:

— А у тебя-то, как отельчик? Сколько звезд?

— То ли две, — сказал я, с трудом очухиваясь от пляжной дремы. — То ли четыре.

— Ну, не так плохо, — покровительственно заметил Петя, — В среднем — три! Значит, уже лейтенант! А моё «Пятое солнце» — «гран туризм»! Это, пожалуй, на маршала тянет.

Когда я выходил из Петино отеля, заметил на стене золотую доску, сообщавшую, что пару лет назад тут отдыхала чета испанских монархов. Я утаил это от Пети. Иначе бы он помыкал мной, как фельдмаршал денщиком.

Странная штука – жизненный успех! Очертания его расплывчаты, как дорога, раскаленная солнцем. На пути в свой отель я ощущал себя очень младшим лейтенантом в жёстком подворотничке и портянках.

«Да вообще, на кой ляд эти звёзды», – пытался утешиться.

И заблуждался. Поздним вечером, выйдя на балкон, увидел созвездие Ориона. Здесь, над Карибским морем, у сурового воина Ориона свой небесный пляж. Лежит безмятежно на боку. Одной рукой подпер голову, в другой – рюмка золотой текилы. Светит и не задумывается, сколько у него звезд и какого они размера.

Впрочем, как без них проживёшь? Это если есть, тогда, пожалуйста, – можешь забыть на время.

Мексиканский для начинающих

Петя проявил большие способности к языкознанию. Правда, почему-то решил, что испанский – одно дело, а мексиканский – совершенно другое. Мол, отличаются приблизительно так, как древнеегипетский от арабского.

Впрочем, знал я человека, который был уверен, что луна и полумесяц не имеют друг к другу никакого отношения.

Перво-наперво Петя переделал свое имя на местный лад. Но с некоторым отечественным оттенком.

– Зови-ка, брат, меня попросту – Педро, – сказал он, нажимая на последний слог, – Так оно звучней!

Ну, Педро, так Педро – действительно, довольно сильно звучит! Еще крепчей, пожалуй, будет Педрюша...

– В наших языках, – говорил Педро, – русском да мексиканском, много общего. Прямо на лету ловлю. К примеру, слово «чекар» – проверять. Явно пошло от нашего «чека»! Или, послушай, – «ме перди»! То есть – я потерялся. Смотри, как звучание передает смысл!

– Точно, – согласился я. – Вспомни млечный путь на небе. Молоко – «лече».

Педро всерьез занялся составлением подручного словарика. Первое слово, которое он вписал туда, то ли из озорства, то ли по кулинарному влечению, было блинчики – «охуелос». Дальше пошло, как по маслу.

Масло – мантекия.

Соль – саль.

Солнце – соль.

Привет – оля.

– Поверь, – вздохнул тут Педро, – Я давно говорил, что жена моя Оля «с приветом». Вот через неделю приедет, – сам увидишь.

«Море – мар, – продолжал он. – Глаз – охо. Спасибо – грасиас. А даром – гратис!»

Это гратис особенно полюбилось Педро, а ещё «мучача» – девушка.

– Мучача, мучача, не дашь ли мне гратис? – бубнил он под нос, записывая питейные принадлежности. —

Рюмка – копа. Глоток – траго. Еще – мас. Очень хорошо – муй бьен.

Некоторые соответствия приводили Педрюшу в восторг.

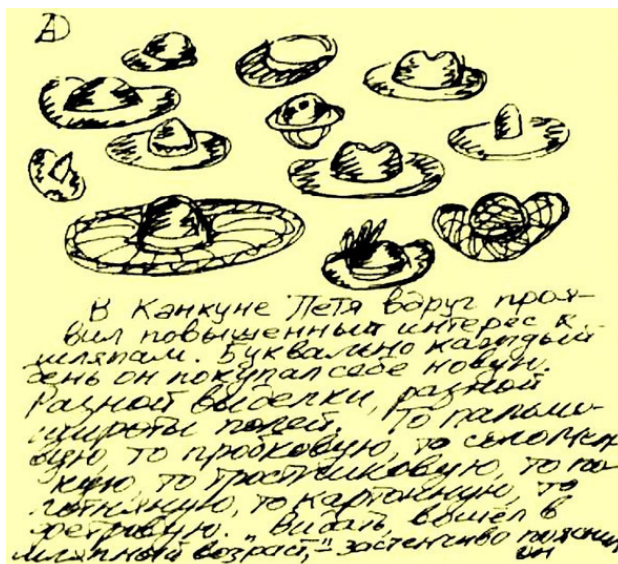
– Мало – поко. Плохо – мало. Как точно замечено! Когда мало, всегда плохо! А много не бывает!

Под конец он глубочайшим образом поразился ёмкостью мексиканского языка, узнав, что «жена» и «наручники» обозначаются одним словом «эспоса».

– Ну, брат, во язык-то! Не в бровь, а в охо. Я свою теперь только так и буду звать – эспоса. Поди, догадайся, чего в голове держу...

Триптихизм

Действительно, мудро было догадаться, чего он держал в голове. Зато на голову Педро постоянно примеривал шляпы. Накупив десятка два, временно успокоился, и каждые полчаса появлялся в новой.

– Еще мне обещали шапочку тореадора с рогами. Но ты погляди, сколько здесь сандалий, – никогда не видал таких фасонистых!

И впрямь, как шляпами, так и сандалиями Канкун был переполнен. От торговых центров, напоминавших то ли бисквитные торты, то ли океанские пароходы, до маленьких пальмовых лоточков на пляже – все было забито шляпами и сандалиями.

– А ты начни коллекционировать, – брякнул я ни с того ни с сего, – Уверен, никто ещё не додумался. Собирай! Будешь, так сказать, сандалофилистом.

Педро вроде пропустил мимо ушей, а на другое утро говорит:

– Всю ночь снились сандалии в шляпах и шляпы в сандалиях! К чему бы это? Пожалуй, надо собирать параллельно – и те, и другие.

– «С головы до ног» – поддержал я. – Вот название твоей коллекции. Да ты, Педро, ею мир покоришь.

У Пети, кажется, перехватило дух от широты поставленной задачи. Видно было, что он совсем не против покорения мира.

– Однако чего-то в этой идее не хватает, – сказал я. – Покуда недоработана!

– А, на мой взгляд, все о'кей, то есть муй бьен, – заупрямился Петя, – С головы до ног! Дальше некуда!

– Кое-что пропущено – нет триединства. То есть третьего члена. Того, что посерединке. Эти слова привели Петю в замешательство. Он как-то напрягся:

– Ну, ты, брат, не перебарщивай, не перегибай палку-то. Что за глупость с третьим членом?

– Ты же можешь стать единственным в мире триптихистом, – пояснил я.

Петя поморщился:

– Это еще что такое? Мало приятное!

– Педро, триптихизм – великая идея! Шляпы, сандалии. И ...?

– Чего «и»?! – начал раздражаться Петя.

– И плавки! Будешь собирать пляжные гарнитуры. Тут есть большие пробелы. Заложил краеугольный камень!

Петя оживился:

– А ведь ты прав, амиго. Это может быть целью жизни. Верно, верно – шляпы, плавки и сандалии. Триптихизм! Солидно и научно. Ты сам подумай, брат, – рассуждал он, – ведь кто-то должен вложить лепту в нашу русскую культуру. Хватит уже ее деградировать! Пора подымать, кто чем может. И я триптихизмом подопру. Верно?!

С этим было трудно не согласиться. И мы, не мешкая, отправились за покупками.

Месть Кукулькана

Мы с Петей мирно прогуливались по бульвару Кукулькан – единственный дороге, которая двумя мостами соединяет остров Канкун с полуостровом Юкатан.

После массовой закупки сандалий и плавок Петя был довольно угрюм, подсчитывал, во что ему станет «триптихизм», как подпорка отечественной культуры.

– Что это еще за фигов «Кукулькан»? – спросил он грубо.

– Педро, я бы на твоём месте был осторожнее в словах!

– А что такое? Чего я сказал-то?! – встрепенулся Петя, озираясь кругом.

– Да уж, прости, сказал! Обидел эдак запросто древнего бога майя крылатого змея Кукулькана. А ему, знаешь, в былые-то времена, сколько человеческих жертв приносили – вырывали на алтаре сердце, и поминай, как звали.

У Пети вдруг потекло из носа. Он жалобно шмыгнул:

– И чего теперь делать-то будем?

– Вот уж, не знаю, – развел я руками. – Если учесть, что Канкун на языке майя Гнездо змея, то плохи твои дела. Древние боги мстительны, а майские – особенно.

– Да ладно тебе шутковать-то, – неуверенно улыбнулся Петя.

– Какие шутки, Педро? Уже из носа течет. Глядь – и диарея тут как тут...

Петя вдруг, несмотря на первичную курортную красномордость, заметно сбледнул, как говорят в народе.

– Типун тебе на язык!

– Типун-то пустяки, – мягко ответил я. – А вот с диареей попрыгаешь – весь отдых насмарку.

– Погоди, погоди, – засуетился Петя, подтирая нос, – Я всегда помнил, а прямо сию минуту позабыл – на каком месте диарея-то вскакивает? Обычно-то?

– Обыкновенно в животе, а потом ниже идет...

Петя всплеснул руками:

– Елки-палки, понос что ли? А то я невесть чего подумал: диарея! Хотя тоже мало радости, – погрузился он.

– Ладно, Педро, спокойно. Говорят, есть спасение от мести Кукулькана. Именно здесь в Гнезде змея, в Канкуне, надо сперва опуститься на дно морское, а потом подняться в небеса. Только тогда Кукулькан отстанет.

– Нет, на это я не согласен! – заявил Петя. – Что же это значит: искупаться, и в самолет, до дому?! Пусть меня лучше здесь пронесет.

– Не надо жертвоприношений, – сказал я, – Всё куда проще и забавней. Есть подводная лодка Атлантис и вертолет – вертолёт. Опустимся, поднимемся! Чего все землю-то топтать?

Так мы и поступили. На легком катере добрались до подводной лодки, стоявшей наготове неподалеку от коралловых рифов.

Когда мы с Петей протиснулись во чрево подлодки, и команда задрала люк, наступила неловкая тишина. Пассажиры, сидя на длинных диванах вдоль иллюминаторов, вяло улыбались друг другу – мол, ничего, может, обойдется... Вдруг в подлодке раздалось громкое шипение, а в прозрачной воде за окошками побежали гурьбой крупные пузыри. Петя перекрестился и придавлено вздохнул: «Авось, пронесет».

О, велик русский язык! Как дивно сочетается с душою русской! Одно лишь незатейливое слово порою так встряхнет россиянина, что он уже в единый присест готов и жизнь пройти и поле пережить. А там – будь, что будет за этим полем: хоть черт, хоть ангел. «Все лишь бредни, черри-брэнди, ангел мой».

И в замкнутом пространстве, окруженный англо-саксонами, галлами и латинами, почти на самом дне Карибского моря, Петя затыкнул «Степь да степь кругом». Его голос, подобно тропическому урагану, быстро набирал мощь и, кажется, уже вырывался за пределы подлодки, глуша мелкую рыбешку и зазевавшихся аквалангистов. Когда Петя выводил «ты, товарищ мой, не попомни зла», лодка глухо легла на грунт.

Песня, наконец, стихла, и к нашей субмарине устремились буквально все обитатели коралловых рифов. Тут были королевские крабы, чернильные кальмары и морские звезды. Лангосты стройной шеренгой маршировали мимо окон, и Петя отдавал им честь. Подкатывались морские ежи, стелились по песку камбалы, стесняясь своей плосковатости. Подплывали рыбка-шут и французский ангел, за ними рыба-сержант и рыба-ножик, наждачная рыба, бешеная блондинка и рыба-собачьи зубы.

Это был парад всех родов войск. Заключали его рыбки-бабочки – желтые, полосатые и четырехглазые. Еще проковылял морской таракан, да он уже был не в счет, как отставной прапорщик, – наша лодка, выпустив тучу пузырей, спешила на поверхность.

– Может, Кукулькану и этого хватит? – спросил Петя с надеждой.

– Да нет, Педро, без облаков никак не обойтись.

У одного из отелей на холме со срезанной вершиной растопыривал пропеллер маленький вертолетчик.

Если субмарина все же внушала некоторое доверие своими габаритами, толщиной люка и относительно небольшой глубиной погружения, то эта «вертушка» на холме казалась предательски легковесной – какая-то пластмассовая фитюлька.

Утомленный подводным миром, Петя обреченно уместился на заднем сиденье. Он крепко-накрепко пристегнулся ремнем и внимательно оглядывал дверные запоры. В глазах его была тоска потерянной собаки.

– А через пять дней моя Олюшка прилетает, – сказал он ни к селу, ни к городу.

– Встретим, – бодро ответил я, хотя Петин настрой угнетал.

Да и вертолетчик не добавлял оптимизма. Суетливо перебирал рычажки на пульте и поглядывал на нас с немим вопросом, будто ожидая, что мы с Петей подскажем, куда сперва нажимать.

На горизонте морском закружились синеватые облака. Они быстро восходили к зениту, рассекая небеса, набирая багровую, древесноволокнистую тяжесть.

– Бамонос! Поехали!

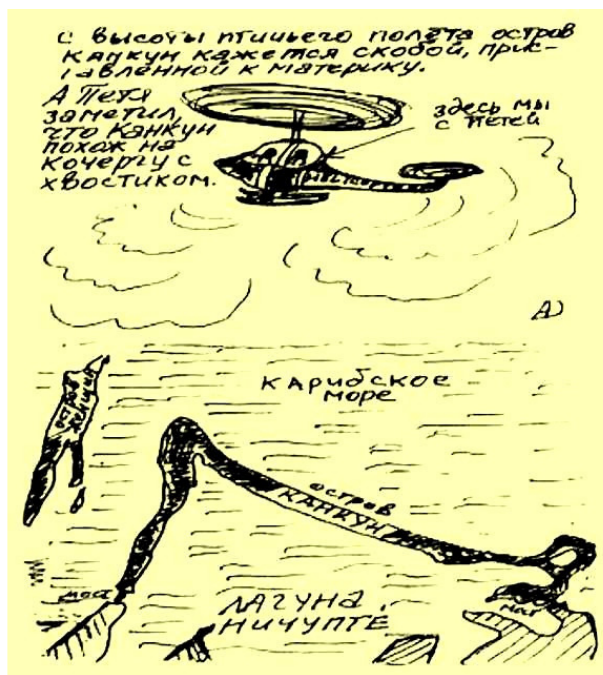
Вертолетчик внимательно поглядел мне в глаза.

– Может быть турбулентия, – сказал он и включил пропеллер.

– У меня уж давно турбуленция, – отозвался Петя.

Вертолет клюнул носом, приподнял хвост и эдак бочком-бочком, как подраненная сорока, скользнул меж отелями к морю.

Пока мы с Петей прилаживали на голове наушники для переговоров, море улетело далеко вниз, а в приоткрытые окна задувал поднебесный ветер, в котором, казалось, угадывалось уже дыхание бездонной космической пропасти.

Море вдруг раскрылось под ногами, как огромная устрица. Оно стало понятнее – его заливы, течения, отмели, косы, рифы и сами цвета: от сине-черного, через зеленый, к прозрачно-бирюзовому.

Было очевидно, что Карибское море – довольно веселый персонаж. В нем струились и спиралеобразно вихрились жизненные токи. Более того, я понял, что оно связано с воздухом, с небесной, как говорится, стихией. Вроде была четкая грань между морем и небом. Но сквозь нее тут и там проникали почти неразличимые глазом восходящие и нисходящие потоки.

– Тоже мне открытие, – буркнул Петя в мои наушники. – Я это с пятого класса помню – коловращение воды в природе! Ты лучше глянь – наша подлодка опять на дно залегла!

Действительно, «Атлантис» белел сквозь прозрачную воду и я даже углядел рядом с ним знакомую бешеную блондинку. Ей было грустно без нас с Петей.

Да и отставной прапорщик – морской таракан – пригорюнился, как сирота, на камушке.

Сердце мое сжалось от какой-то неясной любви ко всем униженным и обездоленным. Хотелось облобызать вертолетчика и всплакнуть на Петиней груди. Еле совладав с собою, я поднял глаза и узрел древний, восточный знак, символ вселенной.

Туча вогнутой черной каплей закрыла полнеба, разделив весь мир на «инь» и «янь». Она придавила, сплющила солнце, но лучи его все же пробивались, и казалось, что это сияющая голова гигантского змея, украшенная золотыми перьями, глядит с заоблачной высоты на землю, на остров Канкун, на вертолет, где затаились мы с Петей. Пернатая голова строго склонялась над нами.

– Педро! – воскликнул я, тыча пальцем в окно и почти вываливаясь из геликоптера. – Педро! Кукулькан!

– Не ори – не дома. И дома не ори! – отвечал Петя назидательно.

– Да, правда, же – Кукулькан! – не унимался я.

Туча подвинулась, и пернатая голова змея проявилась еще отчетливей. Его тело зеленоватым клубящимся жгутом извивалось над морем, а хвост уходил в тихие воды лагуны Ничупте.

Вот оно – гнездо Кукулькана!

Гигантская спираль простиралась от земли до солнца, и я понял вдруг, что пернатый змей Кукулькан, бог майя – Бог Времени! А под нами покоилось Гнездо Времени – море, острова, лагуны, сельва! Отсюда растекается Время по миру. У меня закружилась голова, а перед глазами галопировали столетия.

Вперемешку я видел – шхуны под черными парусами и папирусные лодки, строительство пирамид и конные отряды конкистадоров, игру в каучуковый мяч и яркие росписи храмов. Воздвигались города, и умирали, поглощаемые сельвой...

О, я прикоснулся к хвосту Кукулькана, ко Времени! И оно более не отторгало меня, оно пело в моих вертолетных наушниках, как сладкоголосые сирены. Это немного напоминало «Степь да степь», только было глубже, задушевней и лиричней, без подводного надрыва.

Я сидел и улыбался, как умалишённый на электрическом стуле.

– Турбуленция! – пробилось ко мне любимое слово нашего пилота.

Вертолет, как на деревенской дороге, изрядно потряхивало. Но я-то понимал, что это ухабы времени.

Вскоре мы прочно встали полозьями на плоский холм и вылезли из вертолета.

– Все, Педро, ты свободен – Кукулькан не будет мстить!

– Да ладно тебе, хреновину молоть, – буркнул Петя. – А что, кстати, значит – «портате бьен»? В моём словарики такого нету.

– По-испански «веди себя хорошо». Откуда ты это взял? – поинтересовался я.

– Всю дорогу кто-то бубнил в левый наушник: «Портате бьен, Педро!» Думал – ты шутишь. Хотя, верно, пилот баловался! Сукин кот с турбуленцией!

Зачем было огорчать Петю? Да он бы вряд ли поверил. Но я-то знал определенно, что это был голос Кукулькана.

Коктейли Карибского моря

Эти коктейли отражение карибской жизни вообще, в которой всего в избытке. Пройдет один день, а, кажется, – годы минули.

Педрюша-то, приятель мой, успел разработать научный подход к потреблению коктейлей.

– Ты, – спрашивает, – сколько часов в сутки спишь?

– Ну, часов семь-восемь...

– Правильно, и еще часика два можно прихватить после обеда, – согласился Петя. – Итак, на активный отдых остается около двадцати часов. И надо распорядиться ими разумному, по программе, а не пускать на самотек.

Пока я соображал, откуда могли возникнуть эти двадцать часов, Петя извлек из просторных плавок электронный блокнот.

– Знаешь ли, с этой вещицей можно опуститься на дно глубочайшей в мире Мариинской впадины, – и он с любовью принялся водить пальцем по кнопочкам. – Гляди-ка, какой я тут планчик набросал по коктейлям...

И впрямь, сверхпрочный Петин блокнот выдал план, от которого в буквальном смысле можно было закачаться.

Утро начиналось с коктейля «*Конга*»: сок апельсиновый, сок ананаса, гранадина и банан.

– Это, конечно, чепуха, – пояснил Петя, – Однако необходима для плавного вливания в процесс.

Далее вилась тропинка к «*Хижине*», в которую, помимо уже перечисленных постояльцев, подселась водка.

Неподалеку от «хижины» посиживала хладнокровная «*Маргарита*», состоявшая из текилы, апельсинового ликера и лимонного сока с молотым льдом.

Рядом расположились два простака — «*Русский белый*» и «*Русский черный*» – водка с кофейным ликёром и молоком для уточнения расы. А над ними порхала «*Чайка*», истекая всё той же водкой, кокосовым кремом, молоком, ананасовым соком и ликёрами – кофейным и амаретто.

– Улавливаешь? – спрашивал Петя, строго заглядывая в глаза. – Это первые шесть часов. На обед хорошо пойдут две-три пышнотелых «*Принцессы майя*», то есть водка, кофейный ликер, молоко, банан, клубничный ликер и гранадина. Небось, уж размечтался о принцессе? – подмигнул он. – Ну, а после принцесс железно дрыхнем пару часов, и – гляди дальше...

Взгляд мой уперся в *Альфонсо XIII*, который деликатно отличался от Русского белого отсутствием водки. Тут же на пегой лошадке гарцевали текила с кока-колой, составлявшие суть «*Черного ковбоя*».

– Потихоньку-полегоньку идем на взлет, – сказал Петя, – «*Длинный остров*» очень заборист – ром, водка, текила, джин, соки апельсиновый и лимонный, кока-кола! Да ещё, прости, необходим «*Билет для полета*», в котором текила, джин, водка, ром, кокосовый крем, молоко, ананасовый сок и гранадина. Ну, как тебе?

Я уже ощущал головокружение от набранной высоты. Электронный блокнот дрожал в каком-то мареве, будто находился на дне Мариинской впадины. Но оттуда, из невероятной черной глубины, как придонные невиданные рыбы, поднимались все новые наименования. Например, «*Ничейная рюмка*», где перемешаны текила, джин, водка, ром, ликер касис, ананасовый сок и гранадина.

– А ближе ко сну займёмся «*Любовью на пляже*», – хихикнул Петя. – Джин, текила, водка, ром, клубничный ликер, кокосовый крем, апельсиновый сок и гранадина. А?! Высокий класс! Ну и в итоге – «*Май тай*» – ром белый, ром черный, ликер касис, ананасовый сок – и, как говорится, «бай-бай»! Заметь, после такого дня не будет мучительно больно за бесцельность жизни!

Да, называть это «программой» было бы, конечно, несправедливо. Какая там «программа»? Романтическая баллада! Не верилось, что вся эта стройная конструкция зародилась в продолговатой Петиной голове.

Но тут я вспомнил, как третьего дня именно на этой голове сидела паукообразная черная обезьянка! Она запускала длинные пальцы в Петины волосы, массировала ему уши, нашептывала, кажется, что-то и будто бы вкладывала некие свежие, доселе неведомые ему мысли.

После того мистического соития Петя видимо изменился. К примеру, впервые дал официанту на чай, заявив: «Елки-палки, все мы когда-то были обезьянами».

Патриотизм и крокодилы

Моя башка трещала, разваливаясь на составные коктейльные части. И я давал себе клятвы, если и потреблять что-либо алкогольное, то только в чистом виде – уж водка так водка, ликёр так ликёр, банан так банан, а всего лучше отдельное молоко и немного текилы. Это так гармонирует со здешними восходами и закатами!

Спал почему-то на балконе. Звезды и облака проплывали надо мной. Влажное и теплое время обволакивало меня. Конечно, таким оно и должно быть в своем родовом гнезде. Мягким, как вылупившийся цыпленок.

Во сне я ощущал струящееся Время – оно текло по носу, капало в ухо, голова моя совершенно промокла от его шалостей. Отворив глаза, я понял, что это тропический ливень. Мокрый, как цуцик, лежал я в гнезде Времени, пропитываясь его секундами, минутами, бесконечностью.

О, Кукулькан! Пернатый ослепительный змей, Бог мгновений и вечности, дай мне согласия с быстротекущим временем, дай понимания и веры!

Ливень миновал и вновь выглянул из-за облаков возлежащий Орион. Мы чокнулись золотой текилой, и до восхода солнца я спал первым сном ребенка, только что вошедшего в этот странный мир.

Время поехало дальше, когда зазвонил телефон.

– Собирайся, – сказал Петя, – сегодня у нас встреча с крокодилами.

Выйдя из отеля, я увидел Петю в открытом джипе, который чем-то напоминал наши трактора времен первых пятилеток. Нет, конечно, джип был роскошен, удобен и все такое, но, черт знает почему, я-таки вспомнил о тракторах. Это вообще необъяснимо, но из песни, как говорится, не выкинешь.

– Откуда тракторишко-то? – спросил я.

– Да вот – взял на прокат. Плавали, летали, пора порулить, – Петя сидел гордо, с засученными рукавами, в каком-то немыслимом серебристом шлеме, на котором было начертано по-испански: «Всегда верен!»

– Как тебе головной уборчик? Хай класс! Я как узнал, что на нем написано, сразу, не торгуясь, и взял – у охранника военно-морской базы. Олюшу мою порадуя!

И тут-то меня осенило, отчего в голову лезли наши трактора. Джип не имел к ним никакого отношения! Все дело было в Пете. Именно он, несмотря на шлем и другие современные прелести, отчаянно напоминал тракториста из одноименного фильма. Если бы наших ребят в те далекие времена награждали за ударный труд путевками на Карибское море, они бы выглядели, небось, точно так, как Петя в джипе.

– Ну, рванули, – сказал он. – Время бежит. А мне еще надо бы договориться – чучело крокодила взять. Говорят, нельзя. Мол, крокодил под охраной. Да мы-то с тобой знаем – где нельзя, там, значит, можно.

Петя, кажется, сам поразился этой народной мудростью, и некоторое время рулил молча.

Маленький и худенький служитель крокодиловой фермы встретил нас с повышенной любовью. Может, по серебристому шлему он принял Петю за генерала местных вооруженных сил. Во всяком случае, обращаясь к Пете, служитель каждый раз ласково заглядывал в глаза и приговаривал: «Ми хенераль, пасале, пор фавор», то есть – «мой генерал, проходите, пожалуйста».

Петя достойно принимал почести. Он дружески похлопывал служителя по загривку и зычно приказывал:

– Ну-ка, ну-ка, вот этого крокодилишку вытащи из угла. Держи, держи его за хвост, а то кадр смажется.

Служителю то и дело приходилось залезать в крокодильи загоны. Он был, надо признать, ловок и отважен, покуда мы ошивались возле молодняка. Думаю, у него имелся тонкий расчет – чтобы Петя именно тут истратил всю свою пленку. Так оно и случилось, когда мы добрались до крокодилов-подростков. Эти уже щелкали зубами с такой силой, что в ушах стоял звон. А хвостами срубали мелкий бамбук. Служитель облегченно вздохнул. Он не предполагал, что у Пети в запасе еще две катушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.